

Ольга ДАРЬЯН

КРУГЛЫЙ СТОЛ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Однажды, когда сумерки легкой растушевой стерли границы предметов, и гостинная в туманном пространстве все еще не забытых ощущений расположилась возле Круглого стола, тоненькая Вазочка для Одного цветочка тихо спросила:

— Как это, ближе к Парижу?

— Неужели ты не понимаешь? — удивилась надменно медная Мельница для кофе. — Это так просто.

— Я бы сказал, что это не столь просто, как столь сложно, — звякнул Хрустальный Графоманчик.

— К чему усложнения, Граф? Париж — мечта, а мечта... она притупляет боль... — откликнулся Граненый Стакан, случайно оказавшийся в гостинной.

— Я так не думаю, — пропела Ликерная Рюмочка. — Мечта и есть боль, и тоска, и страдание.

Миниатюрные Часики червонного золота, прожившие сто лет одиночества, вдруг затикали, видимо, задетые за живое:

— Мы слышали, некоторые говорили: "Увидеть Париж и умереть!"

— Раз уж так необходимо умирать в Париже, то пусть это случится в Люксембургском саду, — произнесла задумчиво Цветочная Ваза, кокетливо играя угасающими хрустальными радужками.

— Хватит молотить чепуху! От вас ускользает смысл фразы! — Мельница для кофе даже позеленела от злости.

— Будьте так любезны, объясните, что все это значит? — попросила китайская Пиала с выжженными рисовыми зернышками.

— Не думаю, что вас обрадует услышанное, но если вы настаиваете... — проскрипела Мельница.

— Когда-то в Париж возможно было отправиться, но с билетом в один конец. Это значило остаться там навсегда. И было условие: бросить на произвол судьбы прежнюю

жизнь с любимыми кофейными чашечками LAVAZZA, Хрустальным Графоманчиком, Вечной Супницей, английским сервизом "DICKENS", Пурпурными Бокалами и всеми остальными из Стекланного Буфета.

— Как? — вскрикнула Пиала с выжженными рисовыми зернышками. — У меня на руках трое малюток, фарфоровые ложечки, они даже есть самостоятельно не умеют! Меня нельзя бросать!

— Мага и не бросила, — вздохнула Мельница. — Она осталась с вами. Но когда приходил конец кому-то из вас, вздыхала только печально и говорила: "Ближе к Парижу".

Вечная Супница заволновалась:

— Да-да, помню! Когда перестраивались, Поднос не выдержал, рухнул, — и в черепки весь "DICKENS"! Мага сказала тогда: "Ближе к Парижу. Наверное, уже Булонский лес..."

— Ах, житиё-битиё... — посокрушался, как всегда, Кузнецовский Соусничек, сиротинушка, один-одинешенек из, надо сказать, весьма многочисленной фамилии.

— Что же это получается, не могу сообразить? Когда никого из нас не останется, можно будет належке укатить в Париж? — надудся китайский Чайничек для заварки.

Цветочная Ваза заиграла всеми цветами радуги:

— Не отчаивайтесь, любезнейший, сейчас уже не То время, и все летают в Париж с билетами туда и обратно, и належке, так что можете спокойно продолжать ваши чайные церемонии.

— Будь проще, Красотка! "Ближе к Парижу" — это минимализм! — Граненому Стакану пора была возвращаться на кухню, и он любил сказать что-то этакое под занавес.

— Я слышала, в Люксембургском саду цветы необыкновенной красоты, особенно осенью роскошные розовые пионы... — Цветочная Ваза трогательно вздохнула...

Круглый Стол представил ее, искрящуюся

хрусталем с люксембургскими розовыми пионами и танцующими Пурпурными бокалами... Это было так красиво...

Но вдруг... во входную дверь коммунальной квартиры постучали.

— Кто бы это мог быть? — Мага взяла ключи и пошла отпирать.

Увы, за дверью не стояла Настоящая Промокшая до нитки Принцесса, да и дождь не лил как из ведра в тот вечер. У порога была обыкновенная Горошина и явно намеревалась войти. Маге пришлось посторониться и впустить незваную гостью. Широко расставленные глаза были старательно нарисованы и смотрели не мигая мимо всех. Кто бы мог подумать, что визит затянется на целых шесть лет, и Горошина займет место у Круглого Стола? Тогда это никому и в голову не пришло, видимо, Сумерки сделала свое дело, и утомленные размышлениями о кажущейся близости Парижа обитатели гостинной не поняли, что в течении их жизни Судьба поставила запяточку.

С приходом Горошины дни выстроились в тоскливую шеренгу. И шеренгой этой командовала на дистанции Джильда Людвиговна (Ее Мать), тщательно отсортировывая праздники в свою сторону, а серые будни, заклеившие трафаретом "Брак", оставляя Горошине. Горошину это устраивало, ведь на праздники она и так укатывала на материнскую Поляну, покидая нелюбимый Круглый Стол и непонятные ей чайные церемонии. Надо сказать, что и сам Круглый Стол многое теперь не понимал. Почему не горят свечи, не торжествуют Наполеоны, где же пропал последний Ланселот, и куда запропастилось веселье? Мага молчала. А бесчувственная Горошина лениво строила свою бракованную жизнь. Жизнь, однако, строиться не хотела, иногда сопротивлялась, иногда пыталась спастись и спрятавшись под слоем пыли и плесени.

Особенно Горошина терпеть не могла Стекланный Буфет. Неприязнь эта, видимо, тянулась со времен Ганса Христиана, когда с его легкой руки некая горошинка попала в музей.

— Ну, что! Эксклюзивы! Музейные пережитки! Выходите! — сверлила Горошина Стекланный Буфет нарисованными глазами.

Бедный Буфет охватывала дрожь, дрожь эта прокатывалась тревожной волной по обитателям, и китайский Чайничек для заварки выдыхал:

— Нам конец!

— Посуда с шербинами приносит несчастье! На помойку! — хозяйничала Горошина.

— Нет, нет! Это не шербины, это шрамы. А шрамы — это биография! — пыталась объяснить Вечная Супница, но ее никто не слушал. Кроме, конечно, старого Круглого Стола.

Накопившаяся обида уже переполняла чашу его терпения. Вулкан негодования, снедавший его изнутри, готов был вырваться наружу и стереть лавой тоскливое гороховое существование. Но мудрый Стол вспоминал Елочные погромы, боль, слезы, страдания, и поостыв немного, застыл в безвыходной ситуации постоянных здесь и сейчас. Обитатели гостинной тоже терпели. Никому не хотелось тупо умирать от страха, но правило "Не вмешивайтесь!", появившееся вместе с Горошиной, останавливало любое движение.

Вскорости Горошина стала Мамашей. И в доме появилось грациозное воздушное существо, которое обладало, как потом выяснилось, очень редким даром — любящим сердечком. Это была Малышка, маленькая девочка, а может быть, фея, кто знает?

— Вот и на нашей Маразлиевской улице праздник! — с особым выражением продекламировал Граненый Стакан. С ним все охотно согласились.

— Лучше жить, рискуя каждый момент! — воскликнул Пурпурный Бокал, но Цветочная Ваза прервала:

— Нет! Лучше жить в Люксембургском саду!..

Обитатели гостинной загалдели, каждый хотел сказать что-то важное, имеющее глубокий смысл и обязательно дающее ответ на все вопросы. Только Стол молчал, добрый старый Круглый Стол, очень даже возможно, Стол самого короля Артура.

Янина ЖЕЛТОК

РЕПУТАЦИЯ

Однажды теплым майским днем оператор Веня Бульбуляторов зашел в местечко под названием "На четырех ветрах". Это старинное культовое кафе находится около Соборной площади. Бульбуляторов помнил это место с детства. Здесь всегда былолюдно и уютно по-особому. Сияла голубовато-белая кафельная плитка стен. Из вазочек подмигивали синими глазками искусственные лютки. Разноцветные бутерброды были готовы к самому неожиданному развитию событий.

Невозмутимая, как Будда, и ласковая, как Божья Мать, буфетчица Зина аккуратнейшим образом нарезала цитрусовый плод, будто только что скатившийся с картины импрессиониста. Перед ней стояли закуски двух видов: лимоны и соленые огурчики.

Надо сказать, что закусывать Бульбуляторов не собирался. Потому что уже второй месяц не пил спиртного.

— Водички стаканчик, — произнес он мягко, поздоровавшись с Зиной.

Буфетчица повернулась к Вене спиной, взяла бутылку водки и налила стакан.

Бульбуляторов видел, что она налила водку. Но ничего не сказал.

Он принял стакан из рук будообразной Зины и выпил. Лимончик пришелся как раз кстати. "Происходит необычное", — подумал Бульбуляторов. И напомнил себе, что на самом деле хотел воды, а не водки.

— Можно теперь воды? — спросил Бульбуляторов Зину.

— А как же! — ответила Зина, не выходя из своего медитативного, исцеляющего всякого, кто ока-

зался в Зинином поле, состояния. Она еще раз крутанулась, наклонила бутылку и налила еще стакан.

Веня и тут промолчал. И снова выпил.

Потом он вышел из кафе, подошел к ларьку и приобрел вождельный "Боржом".

— Что с тобой стряслось? — воскликнул я, когда увидел раскрасневшегося Бульбуляторов на пороге моей квартиры.

— Я осознал важную вещь, — ответил Веня.

— Какую?

— Сегодня я понял, что такое репутация. Я много раз слышал мысль о том, что первую половину жизни человек работает на репутацию. Вторую половину — репутация на человека. А тут со мной как раз это и произошло.

И Веня рассказал свою историю.

— Просто Зина не могла поверить, что в один прекрасный день я изменю себе, — добавил он. — Поэтому я развезал. Наливай!

БЫТЬ "ТОЛСТОМУ" РУССКОМУ ЖУРНАЛУ!

Держу в руках "одесский" выпуск журнала "Дон"...

— Тот самый "Дон"?

— Тот самый.

Это вопрос предпологаемый, потому что сегодня интерес к "толстым" журналам велик, как невелик интерес вообще к печатному слову без глянца и гламура, без "желтизны". Но я не о причинах хотела бы поговорить (их много, и одна из самых главных — духовное обнищание, на мой взгляд), я непосредственно о самом журнале "Дон" — в целом, и о номере, который держу в руках, в частности.

Пожалуй, начну с того, что "Дон" является одним из старейших периодических печатных изданий — не так давно журнал отметил свой 85-летний юбилей.

А у истоков создания журнала стоял А.А. Фадеев. В разное время с журналом сотрудничали К. Паустовский, С. Михалков, Р. Гамзатов, М. Шолохов... Название "Дон" журнал носит с 1957 года и по сегодняшний день, являясь печатным органом Союза писателей России. Первый номер журнала под названием "Дон" открывал рассказ Михаила Шолохова "Судьба человека". Вот такое замечательное историческое прошлое у этого журнала... С 1991 года журнал перешел на сдвоенные номера, что, кстати, практиковалось лишь в военные годы. Именно в таком сдвоенном номере № 7-8 за нынешний, 2010-й год, и опубликованы работы одесских

литераторов: номер имеет подназвание "Литературное кольцо Одессы".

Авторы, представленные в нем, настолько самобытны, что о каждом из них можно и нужно говорить индивидуально, отмечая и авторский стиль, и "свое лицо", и тот самый, ставший притчей во языцех, но столь необходимый каждому, отважившемуся "прийти и говорить", свой почерк. Поэзия, проза, эссеистика, публицистика — как видите, присутствуют все жанры, кроме скучного.

Хотелось бы отметить две характерные особенности, объединяющие авторов разных поколений, направлений и жанров. Первая — это, несомненно, любовь к родному городу, которой одесситы славятся всегда. Вторая — это то, что практически все ныне живущие авторы (а в журнале представлены также произведения одесских авторов "серебряного" века) являются членами Южно-русского Союза писателей, что само по себе уже говорит о многом.

Возрождая и продолжая хорошую, добрую традицию тех "толстых" журналов, слухами о которых до сих пор земля полнится, журнал "Дон" предоставляет возможность публикации современным литераторам, живущим в одном "сегодня" с читателями. Ведь, в сущности, к чему сводится содержание большинства подобного рода изданий сегодня? К публикации классики. К публикации того, что замалчивалось, запрещалось, каралось. К публикации того, что прорастало сквозь

многочисленные запреты ростками самиздата. Может быть, это дань прошлому "незамечанию" и замалчиванию?

Что ж, вполне понятно желание реабилитировать и реабилитироваться самим. Но живущим и жаждущим слова (есть и такие еще, не перевелись, поверьте) в "сегодня" читать современников просто необходимо. А учитывая то, что издаваться сегодня может далеко не каждый литератор, а тот, кто может, делает это за свой счет, как правило, и малыми тиражами, "толстые" журналы — единственный портал в современную литературу. Кроме Интернета, конечно, у которого полно преимуществ перед печатными изданиями, но есть и существенные недостатки. И кроме всего прочего, формат журнала "Дон" мне показался удобным и... уютным, что ли...

Сколько себя помню, родители хранили подшивки "толстых" журналов в стопках: друг на друге — отчасти из-за нехватки места, но в основном — из-за не очень удобного формата. На стандартную книжную полку не поставить... С "Доном" же этот вопрос "места под солнцем" решается довольно легко и просто, благодаря нестандартному для "толстого" журнала формату: его совершенно свободно можно поставить на книжную полку и так же свободно можно снять оттуда, не чертыхаясь, отыскивая, в какой кипе лежит он, вождельный "одесский" номер.

Ничуть не пытаюсь приукрасить, говоря так, ведь содержание "Дона" тоже "уютно" и многообещающе. Да вот, не угодно ли: Юрий Михайлик, Ефим Ярошевский, Ольга Ильницкая, Евгений Голубовский, Сергей Главацкий, Евгения Красноярова, Виктория

Колтунова, Александр Леонтьев, Анна Стремнинская, Сергей Шаманов, Татьяна Орбатова, Юлия Петрусевичюте, Алан Остинин... Стоит ли продолжать? Не лучше ли открыть любой выпуск российского общественно-политического литературного журнала "Дон" и убедиться в том, что новая русская литература существует?

В заключение позволю себе привести цитату из статьи Л. Троцкого, которая была опубликована в газете "Киевская мысль" (№№ 75, 78; 16, 19 марта 1914 года): "Когда мы говорим о "толстом журнале" как об общественно-литературном типе, то имеем всегда в виду не просто периодически выходящие книжки, в которых критики критикуют, поэты слагают рифмованные строки, профессора рассказывают о новых течениях в естествознании, — нет, мы имеем в виду журнал как духовный фокус известной общественной группировки, как некий кивот завета, словом, наш, русский, толстый журнал. И достаточно легко представить себе указанные нами выше общественные корни этого журнала, чтобы тем самым определить его исторические границы. Русскому журналу наступит конец тогда, когда наступит конец мессианизму русской интеллигенции".

Думаю, будет излишне утверждать и убеждать кого-либо, что "конец мессианизму русской интеллигенции" не наступит, следовательно, не наступит конец и русскому "толстому" журналу, а уж такому журналу, как "Дон", — БЫТЬ!

Людмила ШАРГА,
член Южнорусского Союза писателей,
член Конгресса литераторов Украины